

ЛЮБОВЬ НЕ ЛЮБИТ МОЛЧАНИЕ

ПИСЬМА НА ЛАДОНЯХ

АНТОН АБРАМОВ

АНТОН АБРАМОВ
Письма на ладонях

«Автор»

2026

Абрамов А.

Письма на ладонях / А. Абрамов — «Автор», 2026

Ася Лунина возвращается в родной город на один сезон, чтобы привести в порядок архив театра перед юбилеем. Она умеет спасать бумагу: разглаживаются складки, возвращаются строки, снова дышат афиши. В одном сундуке под сценой она находит пачку неотправленных любовных писем, перевязанных лентой. Тридцать лет назад кто-то написал самое важное и так и не решился отправить. Ответы спрятаны в закулисье и в памяти города, где слишком многое привыкли замалчивать. Почему письма не дошли до адресата? Кто удержал их и ради чего? Сурдопереводчик Илья Громов слышит тишину лучше слов. Вместе с ним Ася начинает искать тех, кому принадлежит эта любовь, шаг за шагом приближаясь к правде, от которой невозможно отвести взгляд. Чем ближе разгадка, тем яснее: неотправленные письма требуют ответа не только от прошлого, но и от них самих. Письма на ладонях - нежный роман о близости, которую не нужно заслуживать, о выборе, который нельзя откладывать, и о руках, способных сказать то, на что не решается голос.

© Абрамов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лента на конвертах	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Письма на ладонях

Глава 1. Лента на конвертах

Поезд пришёл рано, в тот час, когда вокзальные часы уже тикают безжалостно, а город ещё не успел надеть на себя дневное лицо. Платформа пахла мокрым камнем, тормозной пылью и дешёвым кофе из автомата, который бодрит не ароматом, а обещанием тепла. Металл под ладонью был холодный и чужой, и Ася на секунду задержала пальцы на поручне вагона, как задерживают руку на дверной ручке перед тем, как войти в комнату, где давно не были.

Сентябрь ударил мягко, без ветра-ножа, но с той прозрачной прохладой, которая сразу делает человека внимательнее к коже. Воздух здесь был другой, нежели в Москве: меньше выхлопа, больше воды. В нём слышался запах реки, влажной травы и старой извести, казалось, что город выдыхал не спешку, а память.

Ася спустилась по ступенькам, обходя людей с сумками и коробками, и поймала себя на странном: она больше смотрела, чем шла. Свет с востока ложился на вокзальную стену бледной полосой и высвечивал мелкие трещины на штукатурке. В этих разломах пряталась история, не громкая, не музейная, а бытовая: ремонт «на скорую руку», вода после зимы, чья-то беспечность, чья-то усталость.

У выхода продавали пирожки. Женщина в фартуке держала термос, на крышке которого облупилась эмаль, и рядом стояла картонная коробка с мелочью. Тёплый запах теста мгновенно вытаскивал из Аси кусок детства: бабушкина кухня, полотенце на плече, горячие яблоки, которые нельзя трогать, пока не остынут. Она купила один пирожок с капустой не потому, что была голодна; ей нужно было это ощущение – простое, земное, не московское. На вкус пирожок оказался чуть солонее, чем хотелось, но в этом тоже была правда: жизнь редко подстраивается под идеальные рецепты.

Такси она поймала быстро. Водитель, мужчина лет сорока, в серой куртке, подцепил её чемодан одной рукой, словно поднимал не вещь, а привычное утро, и без вопросов спросил:

– Куда?

– Комиссарская, семь, – ответила Ася и сразу добавила, привычно: – Подъезд второй.

Он кивнул, включил поворотник, и машина пошла по ещё пустым улицам.

Город проплывал за стеклом медленно, как старый фильм без ускорения. Дома стояли плотной стеной: дореволюционные фасады с лепниной, которой давно нужна забота, и панельные кварталы, у которых свои шрамы: кривые балконы, спутниковые тарелки, ржавые кронштейны кондиционеров. На одном углу висела вывеска «Кофе с собой» – яркая, неуместная, как красная помада на уставшем лице. Под вывеской стояла девушка в капюшоне и курила, глядя в телефон. Дым её сигареты уходил вверх ровно, без ветра, и Ася задумалась: здесь даже дым не торопится.

У светофора они остановились. Витрина парикмахерской отражала пустую улицу, и отражение было чище, чем реальность: стекло убирало шум, оставляя линии. Ася любила линии. В её работе они были всем: сгибы, разрывы, края, тени от рельефа бумаги. Она замечала их и в городе, как другие замечают лица.

– Давно не были? – спросил водитель, не поворачивая головы.

– Давно, – ответила она. Слово прозвучало сухо, почти официально.

– Сезон у нас сейчас хороший, – заметил он с улыбкой. – Тепло ещё, а людей меньше.

Ася кивнула. Ей не хотелось разговаривать. Внутри была странная собранность, в которой не было радости, но не было и тревоги, скорее ощущение, что она возвращается в точку, где что-то когда-то не договорила. Эта внимательность иногда пугала: она делала чувства слишком

ровными, а в гладкости пряталась опасность: легко убедить себя, что всё под контролем, и не заметить, как сердце тихо отстаёт.

Квартира бабушки встретила привычной тишиной. Замок щёлкнул, дверь пошла туго – дерево набухло от влажности. В подъезде пахло котами и старой краской. На стене возле лифта кто-то написал маркером номер телефона и слово «СРОЧНО», а сверху кто-то другой аккуратно вывел «НЕ СРОЧНО» и это почему-то рассмешило Асю. У города, оказывается, осталась привычка отвечать.

В квартире было прохладно. Она открыла окно на кухне, и воздух сразу принёс речную свежесть, тихий шелест листвы во дворе, далёкий гудок: короткий, как напоминание. Во дворе стояли два тополя, и листья у них дрожали не от ветра, а от собственной тонкой жизни. Под окном кто-то вытряхивал ковёр, и пыль в солнечном луче поднималась мелкими искрами.

Ася не стала устраиваться, как хозяйка, хотя ключи в кармане доказывали обратное. Она привыкла жить «на чемоданах» в самом мягком смысле: не привязываться к вещам, пока не поймёт, куда привязана сама. Разложила только необходимое: сменную рубашку, свитер, перчатки для работы с бумагой, маленькую косметичку. В ванной, на полке, стоял крем для рук, тот самый, с тёплым запахом овса и миндаля. Бабушка когда-то покупала его пачками и говорила: «Руки у тебя рабочие, их надо беречь». Слова были простые, но в них было больше любви, чем в любых поздравлениях.

Ася умылась холодной водой, провела ладонями по лицу и задержала взгляд в зеркале. Лицо было не уставшим, а с дороги: чуть бледнее, чем обычно, с ясным, внимательным взглядом. Глаза у неё менялись от света: то серые, то с зелёным оттенком, как вода у берега, когда на ней отражаются деревья. В этих глазах не было вызова, зато было то, что цепляет людей сильнее красоты: присутствие. Она не старалась казаться. Она была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.